

Это что... признание?

Хэ Е, ошеломлённый неожиданностью, на мгновение онемел и лишь заворожённо смотрел на девушку.

Та, решив, что он отказывается, с грустью выскользнула из его объятий, поднялась и с натянутой улыбкой произнесла: «Прости, мне не следовало просить об этом. Желаю тебе счастливого пути и больших успехов».

Хэ Е смотрел, как она нехотя отворачивается, и вдруг, охваченный страхом, что она может не вернуться, резко вскочил и снова притянул её к себе. Сбивчиво спросил: «Ты уверена? Хочешь поехать со мной в Шанхай?» Девушка тихо кивнула в его объятиях. «А ты уверена, что когда-нибудь полюбишь меня?»

У неё сжалось сердце. «Только из любви я могу быть с тобой...» — тихо выдохнула она. Выражение её лица было необычайно серьёзным. Она подняла на Хэ Е глаза и сказала: «Верь или нет, но Синь... его уже нет в моём сердце».

В тот миг Хэ Е почувствовал себя самым счастливым человеком на свете.

«Мэньюй...» — тихо позвал он, но девушка не откликнулась. Он попытался крепче обнять её, но обнаружил, что объятия пусты. В панике он закричал: «Мэньюй! Где ты? Не уходи!»

Не найдя Лян Мэньюй взглядом, он в ужасе открыл глаза и увидел перед собой её мать.

«Что это ты весь в поту? Наверное, кошмар приснился», — с беспокойством сказала мать, а затем добавила с упрёком: «И как можно было тут уснуть?»

Хэ Е окончательно пришёл в себя. Ему действительно приснился кошмар — сцена их прощания с Лян Мэньюй накануне его отъезда в Шанхай. Во сне всё было удивительно похоже на реальность: именно в тот день они и стали по-настоящему вместе.

Голова была ещё тяжёлой. Хэ Е отчаянно хотел, чтобы наяву его любимая девушка обняла его, нежно и твёрдо призналась в любви. Но все знали, что это уже невозможно. Снова увидев перед собой мать Лян Мэньюй, он быстро выпрямился и вежливо обратился: «Мама, вы так рано?»

«Я всегда рано встаю, люблю размяться», — ласково ответила она. «Давно здесь?»

«Только что пришёл», — не задумываясь, ответил Хэ Е.

Мать, конечно, знала, что это неправда. Вспомнив, что дочери уже нет в живых, а Хэ Е всё ещё хранит ей верность, она почувствовала одновременно грусть и жалость. «В другой раз, если задержишься, просто постучи и заходи. Нам не помешаешь. Ночью холодно, не надо так», — сказала она, смахивая слезу с уголка глаза. «Ведь больше никому не нужно, чтобы ты здесь дежурил».

«Мама, не говорите так», — с болью в голосе произнёс Хэ Е, тут же подскочив, чтобы поддержать её. Он провёл всю ночь в воспоминаниях и до этого момента держался стойко. Но теперь, после слов матери, слёзы сами навернулись на глаза. С трудом подавив внутреннюю боль, он резко сменил тему: «Вы же хотели со мной посоветоваться? Давайте я вас провожу, поговорим дома».

Мать печально кивнула, позволив Хэ Е проводить себя в дом. Когда они вошли, отец Лян Мэньюй сидел на диване в гостиной. Увидев их, он посмотрел на Хэ Е сложным взглядом.

Хэ Е поздоровался с отцом, усадил мать и сам сел на диван. Все трое молчали, и в воздухе повисла тягостная пауза.

Эта атмосфера была мучительной для Хэ Е. С тех пор как Лян Мэньюй не стало, он больше не видел улыбок на лицах её родителей. Каждая встреча колола его сердце, словно иголками.

Не в силах выносить молчание, Хэ Е обратился к матери: «О чём вы хотели поговорить?»

«Подожди минутку», — сказала мать и направилась в комнату. Через мгновение она вернулась с банковской книжкой в руках. «На днях пошла за пенсией и обнаружила, что на счёте появилась крупная сумма... Не знаю, как он узнал наши реквизиты».

Мать вздохнула. Хэ Е взял книжку, бегло взглянул и предположил: «Это, наверное, Чжоу Синьи перевёл».

«Ты не знаешь, как узнать номер его счёта? Мы хотим вернуть ему деньги», — вмешался отец, не скрывая ненависти к Чжоу Синьи. «Этот мерзавец что думает, мы дочь продаём?»

Хэ Е слегка нахмурился, подумал и сказал: «Я не знаю его счёта. Может, переведёте деньги на другую карту, а я её ему верну».

Желая успокоить стариков, он добавил: «Мы виделись после того, как всё случилось. Он меня не трогал».

Отец усмехнулся: «Этот мерзавец уже погубил мою дочь. Если он и моего зятя тронет — жизнью поплатится!»

«Папа...» — с горечью произнёс Хэ Е. Раньше этот образованный и добродушный человек никогда не использовал таких слов. Теперь же он называл других «мерзавцами», и это говорило о том, насколько сильно его ранило.

Не решаясь задерживаться, Хэ Е попрощался с родителями и, преодолевая внутреннее сопротивление, направился к дому семьи Чжоу.

Ещё вчера он думал, что они с Чжоу Синьи больше не увидятся, а сегодня сам шёл к нему. Жизнь действительно непредсказуема. Никогда не знаешь, что будет в следующую минуту, в следующую секунду.

Прибыв в дом семьи Чжоу, он узнал от охранника, что Чжоу Синьи у фонтана в заднем саду, но тот вряд ли захочет его видеть. Тем не менее Хэ Е попросил проводить его ко входу в сад.

За несколько десятков метров до сада он издали узнал Чжао Ши. Подойдя ближе, он заметил, что Ажань тоже кажется знакомой — наверное, виделись в прошлый раз. Единственным, кого он не знал, была Тан Имэй, стоявшая рядом с Ажань.

Тан Имэй и Ажань, похоже, препирались с Чжао Ши. Хэ Е остановился, раздумывая, стоит ли подходить, как услышал, как Тан Имэй с обидой и гневом говорит Чжао Ши: «Ты не пускаешь меня и не идешь доложить Синьи. Я буду ждать здесь, пока он не выйдет».

Чжао Ши оставался непреклонным: «На улице жарко. Если вы настаиваете, лучше найти место

в тени». Смысл был ясен: он ни за что не пропустит Тан Имэй. Та пришла в ярость: «Что этот Синь там делает с той лисицей?»

Тан Имэй ошибалась. У фонтана был только Чжоу Синь.

Ещё прошлой ночью, после долгого разговора с Ван Яньшуан, он ушёл. А после произошло кое-что, о чём даже Ван Яньшуан не знала.

Проводив её, Чжоу Синь собирался спать, но, проходя мимо комнаты Чжоу Цзинхуа, заметил, что дверь приоткрыта. Заглянув в щель, он увидел свет.

Немного подумав, он осторожно приоткрыл дверь и увидел, что Чжоу Цзинхуа ещё не спит. Тот сидел на диване, закрыв глаза, и выглядел крайне уставшим.

Поняв, что это он виноват в бессоннице отца, Чжоу Синь почувствовал вину и печаль. Он постучал.

«Войди», — холодно отозвался Чжоу Цзинхуа, вероятно, зная, кто за дверью. Чжоу Синь с болью в сердце вошёл.

Едва переступив порог, он прямо сказал: «Уже поздно, не стоит засиживаться. Вам нужно отдохнуть».

«Один день бессонницы, и ты уже не можешь смотреть?» — резко спросил Чжоу Цзинхуа, глядя на сына. «А знаешь ли ты, сколько ночей провели без сна родители Мэньюй?»

Чжоу Синь вздрогнул, чувствуя глубокую вину. Обычно красноречивый, он не нашёлся, что ответить. С трудом взяв себя в руки, он попытался сменить тему: «Папа, вам нужно отдохнуть...»

Чжоу Цзинхуа уже знал от Ван Яньшуан о страданиях сына. Видя, как тот сдерживает боль, он, как отец, почувствовал жалость. Но принять смерть Лян Мэньюй он не мог, и его переполняли горечь и сожаление. В тот момент он лишь хотел выгнать сына, чтобы не видеть его.

<http://bllate.org/book/15947/1425681>